

О ТУРБУЛЕНТНЫХ ПРОЦЕССАХ ПЕРЕДЕЛА ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОПАСЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

На примере Красноярского края новый передел мирового пространства-времени рассматривается как проблема турбулентного общества. Данный регион типичен для российской социально-экономической уклад и особенно интересен с точки зрения эффективности использования своих ресурсов. Анализ ситуации проведён с помощью полевого исследования (экспертные интервью и анализ печатных и Интернет изданий).

Ключевые слова:

Красноярский край, передел пространства-времени, социальная турбулентность, стабильность российского общества, факторы развития, факторы стабильности.

В условиях турбулентного общества вопросы нового мирового освоения уже социально освоенного прежде пространства-времени становятся особенно важными. Для малонаселённой России, занимающей обширные богатые территории, эта ситуация несёт определённые риски. Появление новых веяний в теории и методологии изучения общества позволяет использовать термин социальная турбулентность для обозначения роста социального и тех эмерджентных эффектов, которые несёт в себе данный процесс. Термин всё более прочно входит в социологический и политический общественно-научный обиход. В философском дискурсе наиболее близким является термин сложность, но общество уже является сложной системой, происходят процессы, для описания которых термин недостаточен. В 2011 г. 10-я конференция Европейской социологической ассоциации была обозначена как «Социальные отношения в турбулентные времена». В том же году состоялись Сорокинские чтения на тему: «Глобальная социальная турбулентность и Россия». Социальная турбулентность характеризует делящийся нелинейный характер утврждающейся гиперсложности социума (термин введён В.П. Шалаевым). В турбулентном обществе отмечается рост социальных связей и субъектов, который в глобальном масштабе становится всё более явным. Социальную турбулентность можно трактовать двояко: буквально, как неопределённость, нестабильные, бурные времена (от лат. *Turbulentus* – бурный, беспорядочный), с позиции пребывания в «сложных» для человека условиях, когда он не имеет возможности управлять ими, в том числе недостаточно к ним адаптирован; либо как сложное/сложностное состояние общественной системы с позиции сложности протекающего процесса. Тер-

мин сложность (введён В.И. Аршиновым [1]) отражает турбулентный характер современного сложно самоорганизованного общества, которое рассматривается современными исследователями через теории потоковых структур, как разупорядоченное движение потоков людей, идей, образов, капиталов, машинерии [2; 8; 9; 11]. Дж. Урри приписывает сложному обществу качества турбулентности [10; 12]. Характер межпотокового взаимодействия в турбулентной среде содержательно объясняется законом тектологического акта. Согласно данному закону, всякое явление, процесс или вещь в ситуации необходимости ответа на вызовы, противостоящей среды либо изменится и приобретёт новые свойства и функции, и станет сложнее, установившись на новом уровне взаимодействия со средой, либо останется неизменной или упростится, заняв более скромное место в иерархии [6, с. 480].

О.Н. Яницкий рассматривает турбулентные времена как эвфемизм общества всеобщего риска [7. с. 155–156]. За нейтральной, с позиции учёного, формулировкой стоит «крайняя степень нестабильности мировой экономической и социальной систем, умножение числа всепроникающих рисков и новый этап» мирового передела социально освоенного и осваиваемого пространства-времени мира. И здесь также проявляется закон тектологического акта. В качестве характеристик турбулентного-рискогенного общества Яницкий сводит такие тренды, как потребность в переменах глобального регулирования, разрушение любых форм социальности, как внутренняя логика развития рынка, потребность осуществления публичной социологии, текучесть, всепроникаемость и безответственность капитала как возмутителя спокойствия, дифференциация об-

щества, разделение общества на открытую, мобильную и закрытую, территориально фиксированную части, изменение отношений между человеком и природой [7].

Наиболее значимым аспектом для нас является процесс мирового передела пространства-времени и возможности российского общества ответить на данный вызов. Как выглядит участие России в этом переделе? В какой роли она выступает/может выступить? Яницкий в качестве примера приводит северный шельф – территории, не требующие обоснования права собственности; но в связи с природными богатствами региона, малочисленностью данных территорий и перенаселённостью соседних стран они могут войти в потенциальную «группу риска». Речь идёт о Сибири и Дальнем Востоке. Мы рассмотрим один субъекта федерации – Красноярский край.

В период с 28 мая по 21 июня 2012 г. в Красноярске автором было проведено полевое исследование, в результате которого был осуществлён анализ печатных и Интернет изданий, проведено 28 глубинных структурированных интервью с экспертами из исполнительной, законодательной власти, представителями научного сообщества и общественности. Исследование было направлено на выявление группы факторов по стабилизации российского общества и данного региона. Вопросы исследования обширны, результаты могут быть опубликованы в серии статей. В данной статье мы хотели бы представить внутренний взгляд на обозначенную проблему.

Для Красноярского края вопрос участия в мировом переделе достаточно актуален. Идея о существовании угрозы с Юго-востока достаточно давно существует в российском общественном сознании. В задачи данной статьи не входит подтверждение или опровержение наличия угрозы. Существуют определённые опасения и предположения о том, каким образом может развиваться ситуация. Россия, занимающая первое место по территории, составляет всего около двух процентов от общемирового населения. За Уралом территория наименее заселена. К тому же, Восточная Сибирь как экономический регион, в который входит Красноярский край, является достаточно ресурсным и представляет интерес в глобальном переделе мирового пространства не только с позиции территории, благоприятной для проживания, и наличия запасов чистой воды. Согласно данным Forbes, благодаря Восточносибирскому и Дальневосточному регионам Россия стоит на первом месте по

природным ресурсам, которые оценены в 74 трлн дол. США (второе место занимают США – 45 трлн).

В 2003 г. была опубликована книга «The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold», в русскоязычном варианте она получила иное название [5]. Согласно утверждениям авторов, производство в Сибири нерентабельно в связи с низкими температурами, а затраты на жизнеобеспечение городов Сибири неоправданно высоки в соответствии с чем, население Сибири избыточно и требует переселения на иные территории, а работа должна вестись вахтовым методом. Список участников и спонсоров данного исследовательского проекта, уровень, на котором были представлены его результаты, «предложение» о переселении населения и вахтовом производстве могут свидетельствовать о заинтересованности в данных территориях. Имеет ли общество в лице институтов власти и жителей потенциал для ответа на данный вызов? Несмотря на то, что российскими учёными тезисы о нерентабельности проживания в условиях низких температур были опровергнуты, данный прецедент не был оставлен без внимания со стороны российской власти. Присоединение в 2005 г. к Красноярскому краю Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов и создание Сибирского федерального университета (2006 г.) выглядят как меры по усилению позиций федеральной власти и подготовка к внутрirosсийскому освоению данных территорий. Край подпадает под реализацию проекта по созданию госкорпораций на территории Сибири и Дальнего Востока. В ходе анализа прессы было выявлено, что данная ситуация рассматривается в двух возможных вариантах развития. А именно, «с точки зрения понимания роли и места в судьбе страны – либо мы <Красноярский край> *сырьевой придаток, либо место, на котором может начаться новое развитие России в целом*» (председатель Союза промышленников и предпринимателей Красноярского края М.Г. Васильев, 2012 г.).

Высказывались как позитивные оценки, так и опасения относительно реализации проекта. Отмечалась, что вопрос требует срочного решения: «осознание в верхних эшелонах власти того, что если медлить в освоении природных ресурсов данного

*Здесь и далее приводятся высказывания экспертов из СМИ и из интервью с указанием принадлежности эксперта (в – власть, н – наука, о – общественность). Курсив мой – М.Н.

региона и дальше, то для России Сибирь и Дальний Восток будут потеряны», что связано с малочисленностью населения данных регионов и перенаселённостью близлежащих государств, из которых может «произойти диффузия населения» (директор Института горного дела, геологии и геотехнологий СФУ В. Макаров). «Китайская угроза – не мифическая, а вполне реальная... Крупное Кызыл-Таштыгское свинцово-цинковое месторождение в Тыве на 25 лет взяли китайцы. Массу проектов в Забайкалье реализуют китайские компании. Освоение месторождения Озёрного (Бурятия)... 5 лет всё добытое на этом месторождении сырьё будет уходить в Китай... проникновение происходит (он же). Контент-анализ интервью последнего эксперта показал, что приоритетной является задача «грамотного» технологичного освоения ресурсов, территория отчуждается и воспринимается как неосвоенная, потенциально «не своя».

Высокотехнологичная продукция не рассматривается как приоритетная цель в развитии региона, что связано с отсутствием соответствующего человеческого капитала. Подтверждение данной информации находим в заключениях опрошенных экспертов. Один из них прямо указал на то, что в Институте нефти и газа Сибирского федерального университета (СФУ), который многими оценивается как основная научно-аналитическая площадка для реализации задачи по освоению ресурсов, «отсутствует направление по нефтеобработке» (эксперт 24н). С учётом развития месторождений нефти в крае это может свидетельствовать либо о том, что потребности в такого рода специалистах нет и природные ресурсы будут продаваться в необработанном виде, либо СФУ изначально не нацелен на подготовку высокотехнологичных специалистов в связи с отсутствием запроса, либо они будут привлекаться из других регионов. В то же время результаты социологических исследований красноярских коллег свидетельствуют о том, что имеется потребность в «региональной политике по развитию человеческого капитала в крае» [3]. Потенциал жителей региона оценивают как слабый, указывают на потребность в привлечении «высокообразованных специалистов» [3]. Уровень развития общества определяет его культуру и институты. Правоммерно встал вопрос о том, насколько местные чиновники соответствуют предъявляемым ситуацией и временем требованиям. Насколько Красноярский край и российское

общество в целом сможет преодолеть данную ситуацию, артикулировать свои интересы и занять более высокое положение в иерархии, усложниться? Либо безропотно подстроится под внутривоссийских и внешних контрагентов?

В СМИ высказывались мнения о том, что имеются опасения, что создание госкорпораций предполагает приход в регионы бизнеса и чиновников, которые будут свободны от обязательств перед регионами и его жителями, что может создаться угроза экологической. В настоящий момент региональная власть выстраивает диалог с населением и стремится заручиться поддержкой населения. Подтверждают это и поддержка общественной инициативы по предотвращению строительства завода ферросплавов. Немаловажно и наличие у федерального центра высокого уровня доверия к краевой власти. В крае регулярно проводятся экономические форумы, Красноярск оценивается как третья «сырьевая» столица России. Н.С. Розов дает свои оценки: «создание госкорпораций – это в лучшем случае продолжение четырёхвековой истории колонизации и ограбления Сибири, а в худшем – создание «крыши», чтобы «свои люди»... могли беспрепятственно выкачивать за рубеж сибирские ресурсы, немалые доли дохода переводя на личные зарубежные счета». В своей книге он подробно описывает свои предложения по этапному развитию российского общества [4]. Он также подтверждает полученные нами в ходе экспертных интервью оценки: «чтобы в Китай направлялись не сырьевые ресурсы, а полуфабрикаты и технологические линии для трудоёмких производств, вот что позволит поднять Сибирь в социальном и экономическом плане, и защититься от надвигающихся геополитических угроз с Юго-Востока» (эксперт 5в). Розов также обращает внимание на то, что «сибиряки должны хорошо понимать – их интересы в расчёт приниматься не будут». Эти опасения подтверждают и другие эксперты. В то же время есть и иная позиция. Ю.Н. Москвич в пресс интервью сказал, что постановка вопроса выхода из колеи появилась в 2000-м году, и «госкорпорация – это ответ на десятилетнюю дискуссию по поводу колеи», что госкорпорации могут способствовать модернизации страны не в догоняющих темпах, а «с помощью новой ситуации». Стоит сказать, что экспертный клуб в Красноярске возглавляет А.В. Усс, председатель законодательного собрания Красноярского края, президент СФУ. Относительно экспертного клуба сам Усс в

интервью местной прессе говорит, что в его задачи должна входить интеллектуальная и аккумуляционная поддержка новой индустриализации Сибири. Он предлагает пригласить авторов упоминаемой нами книги «о Сибири как "холодном проклятии России"» и «устроить публичную дискуссию и, в конце концов, понять, как нам обустроить Сибирь, как провести её новое освоение. Сибирь должна быть центром силы, а не проклятием России. Мы должны думать над тем, как сделать жизнь в Сибири интересной и привлекательной... её превращение в процветающий регион». В своём интервью он перечисляет варианты и возможности для социального развития региона, говорит, что «гордость должна быть результатом сделанного. Вряд ли стоит гордиться богатыми полезными ископаемыми и могучей рекой – всё это подарила нам природа». Направленность на диалог с населением, желание разделить с ним ответственность подтвердили и экспертные интервью.

В данном ключе представляют интерес оценки стабильности, устойчивости и развития региона и российского общества в целом. В большинстве своём эксперты сошлись на мнении, что российское общество является нестабильным либо недостаточно стабильным. За основу брались такие ориентиры, как европейские развитые страны (оценки российского общества – не в лучшую сторону), африканские страны (приравнивались к их худшим показателям), свои точки отсчёта во временной перспективе и вариантах возможного (варьировались от ностальгии по советскому прошлому до жизни в обществе потребления). Среди причин и следствий нестабильности назывались такие, как огромный социальный разрыв между бедными и богатыми, коррупция, неэффективность, недостаточная эффективность институтов власти, несправедливость, нерациональное использование природных ресурсов и человеческого капитала населения. «После перестройки такие сложные года были. В основном люди, которые пришли к власти – использовали <её> для личного обогащения и на всем буквально делались деньги и сейчас сложно будет разгрести потому, что всё очень глубоко, мне кажется, вот так проникло в сознание. Когда силовик занимается бизнесом... не то, что силовики, а полиция и власть... в основу угла поставили доходность, а не человека, как было в советское время» (эксперт 120). Или: «оно не стабильно, оно не ясно как развивается, потому что целеполагание до

конца не определено, идет большая политическая борьба между разными группами с разными целеполаганиями и целеустремлениями, имеющими разные картины мира и идеологии. Устойчивость динамичная, определенным образом возникла, но она, с моей точки зрения, может быть подвержена большим рискам в ближайшие годы» (эксперт 18н). В отношении Красноярского края эксперты заключили, что его в условиях российского общества спасает положение региона-донора, богатого природными ресурсами. Однако экспертные оценки 2006 г. (в 2006–2008 гг. автором проводилось аналогичное исследование по политическим факторам стабильности) также свидетельствуют о том, что нет удовлетворённости зависимым положением от федерального центра, невозможностью распределять свои ресурсы. В результате прежнего сравнительного исследования Красноярского края и Санкт-Петербурга было выявлено, что институциональный дизайн краевой власти более гуманен.

У экспертов звучали предложения по обустройству региона: создание класса средних и мелких предпринимателей, поддержка идеи госкорпораций и др. «Я считаю, что ничего принципиально данные проекты не решат, пока Россия не будет решать по-настоящему системные вопросы, связанные не с имиджевой подачей страны, а связанные с качеством жизни и обустройством страны по-настоящему. То есть, все эти версии воссоздания чего-либо не приводят к притоку по-настоящему серьезных людей, которые бы дали стране какой-то прорыв. Мне кажется, что необходимо создавать огромные венчурные инвестиционные фонды и делать страну настоящим научным эльдорадо. Опять же можно сказать, что Сколково могло бы стать таким проектом, но мне кажется там пока непонятно, какова его эффективность. А просто привлекать сюда культурно, ментально и языково близких людей... если им интересно – страна огромная, места хватит всем, но принципиально, еще раз повторю, это никаких проблем не решит» (эксперт 4в). «Уже ничего не нужно модернизировать, уже надо просто вернуть всё на круги своя. Чтобы было производство в стране, чтобы социальная сфера была повернута к человеку лицом,... чтобы было поменьше людей торгующих, а побольше людей делающих что-нибудь... Сельское хозяйство, промышленность лёгкая, тяжелая...» (эксперт 25н).

В условиях рисков турбулентного общества потенциалом для развития Краснояр-

ского края может служить его социокультурный капитал. Сибирская идентичность проявилась, когда «при переписи населения значительный процент населения отметил в графе национальность «сибиряк», что вызвало опасения о сепаратизме у центра» (эксперт 27н). Эксперты отмечали «нежелание сибиряков во что-то вмешиваться, пока это не коснулось их лично», также – «сложно на что-то раскачать», «долго народ нужно запрогать, но зато потом». Отмечалось и то, что «сибиряки способны преодолевать значительные трудности». В настоящий момент сибирский менталитет не проявлен («отсутствуют сложные условия, в которых он мог бы проявиться»).

Таким образом, в исследуемом регионе отмечается включённость в турбулентные процессы. В связи со сказанным регион не может быть обозначен как локальный, т.е. происходящее имеет глобальный характер. В контексте анализа общей ситуации (реакция политической элиты на вопрос переосвоения: существенные вложения в развитие края, объединение его ещё двумя субъектами, создание СФУ, разработка месторождений, работа экспертного клуба над вопросом госкорпораций и многое др.), в сравнении с другими сибирскими субъектами федерации (например, ребрендинг Омской области как попытка привлечь финансирование в связи с ситуацией в Восточной Сибири) и собственно акту-

альность передела социально освоенного пространства-времени, наиболее актуальной задачей нам видится **актуализация потенциала людей, живущих на данных территориях и привлечённых сюда, что во многом определит ход турбулентных процессов.**

В первую очередь, это позволит повысить самоорганизованность регионального сообщества и разделить ответственность власти и населения, что в ещё большей степени повысит уровень гражданской культуры. Во-вторых, действия в данном направлении будут способствовать увеличению социального капитала населения живущего в регионе. Также стоит отметить, что, привлекаемые на производства в крае и других субъектах, в которых планируется создание госкорпораций, люди должны быть заинтересованы не в вахтовом методе работы, а в ассимиляции, в обживании пространства (в качестве предложений экспертами высказывались привлечение испанцев на вахтовые работы). Для турбулентного общества данный тезис особенно важен в связи с тем, что для действительного освоения социального пространства и времени требуется самосоотнесение с территорией, включение её в собственную идентичность, принятие ответственности за неё, иначе в условиях глобальной мобильности и миграции процесс освоения останется очередным симулякром.

Список литературы:

- [1] Аршинов В.И. Социокультурные проблемы конвергирующих технологий (NBIC –процесс). – Интернет=ресурс. Режим доступа: http://scmai.philosophy.ru/sovet/seminar/archive-1/plan_8.html
- [2] Иванов Д. В. К теории потоковых структур // Социол. исслед. – 2012, № 4. – С. 8–16.
- [3] Немировская А.В. Профессионально-статусная структура населения Сибирского региона в условиях модернизации // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. – С. 310–317.
- [4] Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2011. – 736 с.
- [5] Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. – М.: «Научно-образовательный форум по международным отношениям», 2007. – 328 с.
- [6] Шалаев В.П. Глобализация, постмодерн, бифуркационный человек // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / Сб. ст.; ред.-сост. Астафьева О.Н., Буданов В.Г.. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 688 с.
- [7] Яницкий О.Н. Турбулентные времена как проблема общества всеобщего риска (Времена турбулентности и задачи социологии) // Общественные науки и современность. – 2011, № 6. – С. 155–164.
- [8] Castells M. The Rise of the Network Society. – Oxford, 2000. – 624 p.
- [9] Latour B. On actor-network theory. A few clarifications // Soziale Welt. Vol. 47. – 1996, № 4. P. 369–381;
- [10] Urry J. Mobilities. – Cambridge: PolityPress, 2008. – 336 p.
- [11] Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. – London and New York, 2000. – 255 p.
- [12] Urry J. The Complexity Turn // Special Issue of Theory, Culture and Society. – 2005, № 22. – P. 235–254.